

УДК 343.9.01
ББК 67.511

В.И. Плохова
*доктор юридических наук, профессор,
Алтайский государственный университет*

ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассмотрены новые аспекты применения категории «деятельность» на основе использования знаний современной психологии, социологии, философии о признаках деятельности, ее соотношении с действием, требующие учета при закреплении признаков преступной деятельности (бездеятельности) в признаках состава преступления и при их толковании. Раскрыты теория деятельности, ее методологические аспекты, предметное и субъектное потребностно-мотивационное содержание, структура, технология достижения конкретных и промежуточных целей, объективные и субъективные составляющие деятельности. Показано, что в уголовном праве теория деятельности применялась в советское и постсоветское время в учении о составе преступления, способе преступления, при толковании признаков состава преступления. Отражены два типа анализа деятельности – технологический и смысловой. Раскрыта роль исследования деятельности для уголовного права и иных наук криминального цикла.

Ключевые слова: криминология закона; эффективность уголовно-правовой нормы; общественно опасная деятельность; преступление; единичные и множественные преступления.

V.I. Plohova
*Doctor of Law, Professor,
Altai State University*

ACTIVITY THEORY: PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS

The article studies new aspects of term «activity» application with the use of modern psychology, sociology, philosophy knowledge on features of activity, its relation to «action». These new aspects need to be considered in crime activity (inactivity) characteristics' consolidation in essential element of offence and its explanation. The article reveals the activity theory, its methodological aspects, subject content, need-motivational content, structure, specific and intermediate goals achievement techniques, objective and subjective elements of activity. The author states that activity theory was used in soviet and post-soviet period in terms of the theory of crime components, methods of crime and explanation of essential element of offence. The article presents 2 types of activity analysis – technological and semantic. The article reveals the role of activity research for criminal law and other criminal sciences.

Key words: law criminology; legal regulation effectiveness; injurious to the public activity; crime; single and repeating crimes.

Очевидно, что необходимо различать жизненные явления (предметы) и их типичные признаки, закреплённые в норме УК РФ с помощью слов, терминов, понятий, определений; их толкование. Совершаемая отдельным человеком и многими людьми деятельность, пред-

ставляющая опасность для общества и объявленная в качестве преступления, обладает теми же характерными признаками, которые присущи любой деятельности. Поэтому использование знаний современной психологии, социологии, философии о признаках деятельности,

ее соотношение с действием с неизбежностью должны быть учтены и при закреплении признаков преступной деятельности (бездеятельности) в признаках состава преступления, и при их толковании (за исключением совершенных по неосторожности).

Понятие «деятельность» в разных науках (психологии, социологии, философии) наполняется различным содержанием. Но суть собственно теории деятельности и соответствующей ей методологии, включая уровень философской методологии, раскрывается в контексте психологии деятельности, а точнее деятельности, сознания и личности [6]. Это направление в науке известно под именем школы Выготского – Леонтьева – Лурии.

Каждой наукой в разных исследованиях (с учетом предмета, задач изучения) используется, во-первых, достигнутый уровень развития теории деятельности, во-вторых, определенный аспект этой теории (как методологическую теорию, предметное содержание деятельности, субъектное потребностно-мотивационное содержание деятельности, структуру деятельности, технологию достижения конкретных и промежуточных целей, объективные и субъективные составляющие деятельности). В уголовном праве эта теория применялась многими исследователями проблем уголовного права как в советское, так и в постсоветское время в учении о составе преступления, способе преступления, в теории корректного закрепления и толкования признаков состава преступления (В.Н. Кудрявцев, И.Ш. Жордания, Р.А. Сабитов, А.П. Козлов, В.И. Плохова и другие ученые [4; 5; 11]).

Желание вновь обратиться к теории деятельности обусловлено недостаточным использованием всех возможностей современной теории деятельности и личности не только в уголовном праве (продолжаемые преступления, субъективная сторона преступления, соучастие в преступлении и др.), но и в криминологии (личность преступника, причины и условия совершения преступления и др.), в уголовно-исполнительном праве. Поводом для проведения исследования в таком аспекте послужила проходившая в 2011 г. острая методологическая дискуссия на провокационные темы: «Есть ли будущее у теории деятельности?», «Нужно ли психологии понятие деятельности?» – и ее итоги: культурно-деятельностная традиция – это будущее психологической науки и практики [3; 12]. Воспроизведение

теории деятельности в данном исследовании понадобилось для того, чтобы снять многие упреки в ее адрес, в том числе по поводу ее непригодности для изучения социальных явлений, и показать сложности отграничения действия от деятельности, особенности коллективной деятельности, роли возможностей и необходимости и другого в реальной жизни.

В советской психологии сложилось два типа анализа деятельности – технологический и смысловой. Первый «направлен на выявление условий и алгоритмов достижения промежуточных и конечного результата осуществляемой предметной активности, независимо от того, совпадает или не совпадает этот предметный конечный результат с предметом потребности действующего субъекта», т.е. не важна мотивация действий субъекта [3]. Этот аспект исследования деятельности также представляет интерес для уголовного права, ибо при смысловом аспекте недостаточно четко выделяется, например, способ действия, важный для наук криминального цикла.

Смысловой аспект исследования деятельности подразумевает такую активность, предмет которой (то, на что активность направлена, – конечный результат) совпадает с предметом потребности субъекта (то, что субъект желает получить). «Деятельность» в таком понимании признается объяснительным понятием поведения. Социологами также отмечается, что различные виды мотивации лежат в основе классификации видов социальных действий.

Предметность деятельности признается психологами ее главным качеством и означает, что субъект деятельности должен подчиняться в своей деятельности предмету деятельности, т.е. ее конечному результату, а также промежуточным результатам действий и учитывать при выборе способов деятельности и действий и их осуществлении внешние предметные, в том числе социальные условия (физические характеристики предметной среды, орудий, субъекта, правил поведения в обществе и др.) [3, с. 94].

Конечный результат деятельности может быть достигнут прямо, непосредственно в один акт активности, или через промежуточные результаты, приближающие субъекта к конечной цели (предмету деятельности или итоговому результату). В последнем случае в деятельности как целостной и имеющей свое строение и структуру активности выделя-

ются отдельные звенья, или промежуточные действия, обеспечивающие достижение промежуточных результатов. Промежуточных и действий, и целей (осознанных!), и результатов может быть много. У психологов отдельные этапы выделяются для лучшего усвоения отдельных звеньев, утверждается, что есть логика выделения промежуточных действий и алгоритм перехода от одного к другому. «Действие и деятельность связаны между собой не жестко. Действие может входить в разные деятельности, причем иногда одновременно... Если конечный результат деятельности становится промежуточным результатом в другой, более широкой и общей активности, то деятельность начинает отвечать более широкой потребности, теряя свой статус, включается в другую деятельность как сложное действие. При этом потребность, ради предмета которой осуществлялась деятельность, присоединяется к новой более общей потребности либо угасает, а ее предмет может стать осознаваемой промежуточной целью» [3, с. 95, 100].

Более того, если деятельность реализуется одним действием, то они физически могут совпадать. Со стороны мотива эта активность будет деятельностью, а со стороны осознанной цели – действием. Если действие в данном виде деятельности удалить, то исчезнет и деятельность. В деятельности, реализуемой многими действиями, с удалением одного или нескольких действий она остается просто на разных стадиях реализации.

Таким образом, при смысловом анализе деятельности по внешним, физическим признакам трудно отличить деятельность от действия. Необходим специальный анализ субъективных признаков деятельности: с чем соотносится активность – с мотивом или промежуточной осознанной целью. Для деятельности конечный результат должен совпадать с мотивом, в отличие от действия, результат которого совпадает с осознанной целью.

Субъективная составляющая деятельности не только мотивирует, но и регулирует деятельность субъекта. В современных исследованиях описан недостаточно изученный ранее механизм превращения возможности в действительность, в реальное действие, имеющее для субъекта последствия (посеешь поступок – пожнешь привычку, но не наоборот) [7]. Это особенно важно для исследования аффектированных действий, соучастия и других институтов уголовного права и криминологии.

Изложенное позволяет сделать вывод, что действие может включаться в разные виды деятельности, поэтому оно не может быть основой для криминализации деяний. Общественная опасность преступления и личность преступника определяются не только самим деянием, но и его смыслом: для чего, ради чего оно совершается. Значит, смысловой аспект деятельности должен быть положен в основу выделения типов охраняемой и преступной деятельности, закрепления норм в УК РФ, определения единичного преступления и решения других проблем уголовного права и криминологии.

Деятельность может реализовываться несколькими действиями, являющимися промежуточными для достижения итогового, конечного результата (предмета потребности, мотива). При этом действия, способы могут быть разными, так как они зависят от условий и других конкретных факторов. Деятельность имеет место даже при реализации ее одним действием, когда полученный результат совпадает с предметом деятельности или мотивом деятельности в значении, для чего, ради чего совершается действие. Названные особенности любой деятельности законодатель должен учитывать при закреплении признаков преступлений в норме УК РФ.

Кроме того, при криминализации деяний, закреплении признаков опасной для общества деятельности в норме уголовного права, статье закона, при их толковании на психофизиологические свойства деятельности «накладываются» социальные, криминологические и правовые основы уголовного права. «Деяние в уголовно-правовом смысле не совпадает полностью с деянием в психофизиологическом значении... В целом оно представляет собой специфическое социально-правовое образование, основанное на психофизиологических свойствах, но не исчерпывающееся ими, а дополняемое нормативными» [10]. Для придания значимости социальным, криминологическим и правовым основам уголовного в процессе криминализации деяний, при закреплении их признаков в норме уголовного права, при их толковании необходимо особо подчеркнуть, что психофизиологические свойства деяния дополняются социальными и правовыми.

Процесс выделения и закрепления существенных признаков реальных действий, деятельностей в норме права имеет свои особенности и немало проблем. Описание процесса

перевода признаков реальных предметов, явлений в представления о них в сознании, закрепление в теориях, науках содержится в философской литературе, в логике. Применительно к нормам уголовного права его показал в 2012 г. в общем виде А.И. Плотников. Для того чтобы признаки опасной для общества деятельности закрепить в нормах УК РФ, необходимо выделить существенные, сущностные признаки той или иной разновидности такой деятельности, подобрать слово или сочетание слов (термин) или дать ее определение. Процесс перевода реальных явлений в абстрактные понятия, определения – это познавательная деятельность, мыслительные процессы, в основе которых лежат логические приемы и способы. Мышление, как утверждает в литературе, – это процесс оперирования понятиями. Понятие – это отображенное в мышлении единство существенных свойств, связей и отношений предметов или явлений; мысль или система мыслей, выделяющая и обобщающая предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Основная логическая функция понятия – выделение в предметах и явлениях общего, которое достигается посредством отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса (абстрагирования) признаков [2].

Понятие обладает строго определенным содержанием, в него входят лишь общие существенные признаки предмета. Построенная таким образом конструкция, утверждается в литературе, «не отражает всего предмета в природном виде, оно в известном смысле искажает его» [10, с. 56]. В силу названных свойств понятие не очень пригодно для идентификации с реальным предметом. В познавательном плане это означает, что мы не можем использовать эту конструкцию в виде некоего шаблона для обнаружения отдельных элементов сконцентрированной в понятии общности (подробнее см.: [10, с. 42–63]). Закрепление понятий в норме уголовного права происходит с помощью слов или словосочетаний (терминов). Облекаясь в словесную форму, содержание понятия становится значением слова. Но они не тождественны. Значение слова охватывает многообразные известные признаки. Именно поэтому для обозначения одного и того же понятия используются разные слова. Слово обычно полисеманлично, его значение в словосочетаниях, предложениях, ситуациях, контекстах различ-

но, тогда как содержание понятия не может быть таковым. Оно должно оставаться единым в многообразных суждениях, иначе нарушается закон тождества и невозможны логические операции. Не случайно в уголовно-правовой литературе иногда говорится о смысле слова, который необходимо выявить.

В силу названных свойств ни слово, ни термин, ни понятие непригодны для сличения нормы и деяния. Для идентификации реального явления (преступления) с нормой необходимо найти смысл понятия, что достигается с помощью такой логической операции, как его определение. «Сравнивая при применении норм и квалификации сконцентрированную в понятии общность с ее проявлениями в отдельных предметах (поступках и т.п.), мы вновь должны прибегнуть к идеализированной по своей сущности операции – расщеплению общности на отдельные элементы. Приемом, облегчающим этот процесс, является определение понятия» [10, с. 45].

Определение (дефиниция есть истолкование понятия) – логический прием, позволяющий отличать, отыскивать, строить какой-либо объект, формулировать значение вновь вводимого или уточнять значение уже существующего в науке термина. Определить – значит назвать основные существенные признаки (сущность) и характеристики объекта, чтобы установить его границы, отличить от других объектов. Формулирование его подчиняется известным правилам: правилу соразмерности определяемого и определяющего, правилу запрета порочного круга и др.

Из изложенного следует, что существует сложная взаимосвязь между реальным предметом – преступлением и закреплением его признаков в составе преступления. Определение понятия является главным в цепочке «слово – термин – понятие – определение понятия», так как оно отражает сущность преступления (слова полисемантны, понятие абстрактно и общо). В связи с этим определение понятия является более приемлемым, важным (по сравнению со словом, термином и понятием) для закрепления признаков состава преступления в норме УК РФ (чтобы не отразить признаки одного и того же деяния в разных составах преступлений, например сбыт наркотических средств и их незаконное перемещение через границу, уклонение от уплаты таможенных платежей и контрабанда), для их толкования, чтобы избежать неплототворной полемики и

соблюсти принципы уголовного права. Даже при разных словах, терминах и понятиях, используемых законодателем для описания различных составов преступлений, их сущность находит отражение в определении понятия, поэтому им следует руководствоваться при сопоставлении признаков, например, утратившего силу закона и нового.

Корректное определение того или иного понятия, которое отражает сущность того или иного преступления и с помощью которого толкуется состав преступления, – очень важная составляющая во всем процессе перевода признаков реального предмета в норму права. Видимо, из-за сложности определения многих понятий, а возможно, и из-за большого их объема уголовный закон редко использует его при закреплении признаков опасного для общества деяния в норме.

Учет особенностей социально-психологического понятия деятельности, действий, процесса перевода признаков реальных предметов и явлений в норму права, а также социальных и правовых основ уголовного права, определения единичного и множественности преступлений, которые учитывают действующие нормы УК РФ, позволяет прийти к следующим выводам. Множественность преступлений должна состоять из разных видов деятельности. Только деятельность, реализуемая несколькими действиями, являющимися промежуточными для достижения итогового, конечного результата (предмета потребности, мотива), характерна для единичного сложного преступления. При абстрактном сравнении, при примерно одинаковых способах действий, однопорядковых результатах общественная опасность деятельности, реализуемой одним или несколькими действиями, примерно одинакова. В них многое определяется конечным результатом, который является во второй разновидности деятельности суммой последствий от промежуточных действий. В последствиях находит отражение объект преступления.

В единичном преступлении размер наступивших последствий зависит от всех входящих в него действий, направленных на реализацию итогового результата. Поэтому в составах преступлений, общественная опасность которых варьирует в зависимости от размера наступивших последствий, единичное преступление может быть более опасным по сравнению с несколькими. Подобная ситуация может сложиться, когда деятельность совершается раз-

ными действиями, различными способами, с разными или несколькими итоговыми результатами (желанными и сопутствующими) и при наличии других обстоятельств. Общественная опасность такого типа деятельности может быть выше, чем деятельности, реализуемой одним действием.

Названные особенности разных видов деятельности должны учитываться и часто учитываются законодателем. Например, действия, входящие в объективную сторону разбоя, с позиций теории деятельности и так бы должны квалифицироваться как единичное преступление (насилие применяется для достижения конечного результата, совпадающего с мотивом или предметом деятельности – завладение чужим имуществом). Однако для того чтобы учесть разные виды действий, способы, последствия, а отсюда и объекты, законодатель сформулировал их в одной статье, а теория уголовного права назвала эту деятельность как единичное, но составное преступление с большой санкцией. С позиций деятельностного подхода этот вариант корректный. Но такое наблюдается не всегда. Часто законодатель вынужден закреплять признаки отдельных действий, которые могут входить в разные виды деятельности, или в самостоятельных отдельных статьях УК РФ, или как альтернативные в одной статье, для того чтобы на каждом этапе реализации деятельности можно было вменить оконченный состав преступления (это касается, например, незаконного оборота предметов, представляющих опасность для общества).

При таких обстоятельствах исследователь и правоприменитель должны учитывать и теорию деятельности, и особенности уголовного права, закрепления признаков той или иной деятельности в признаках состава преступления. Если признаки действий, являющихся промежуточными в процессе реализации реальной опасной для общества деятельности, и закреплены в разных статьях, их необходимо квалифицировать по одной статье УК РФ, предусматривающей ответственность за конечные действия, в которых нашел отражение конечный результат, совпадающий с мотивом деятельности. Эта ситуация по-разному оценивалась и оценивается в теории и на практике применительно к разным составам преступлений (одни авторы предлагали вменять единичное преступление, другие – совокупность преступлений при примерно одинаковых обстоятельствах). Например, лишь после

продолжительной дискуссии высшая судебная инстанция рекомендовала правоприменителю не вменять составы налоговых преступлений при осуществлении предпринимательской деятельности (ст. 174 УК РФ), когда она не регистрируется для того, чтобы уклониться от уплаты налогов. «Действия лица, признанного виновным в занятии незаконной предпринимательской деятельностью и не уплачивающего налоги и (или) сборы с доходов, полученных в результате такой деятельности, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ» [8].

Разные действия по приобретению, хранению, перевозке наркотических средств, но в целях их сбыта высшая судебная инстанция рекомендует признавать как единичное

преступление. «Если лицо незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает или перерабатывает наркотические средства... в целях последующего сбыта этих средств... но умысел не доводит до конца по независящим от него обстоятельствам, содеянное при наличии к тому оснований подлежит квалификации по ч. 1 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ как приготовление к незаконному сбыту...» [9]. Видимо, что-то особенное уголовно-правовое должно влиять на разные варианты оценки преступления как единичного и множественного и определять их. Не случайно в теории единичного преступления выделяется несколько его разновидностей, зависящих от особенностей действий, способов, последствий, конструкции нормы.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Алтайского краевого суда. – Дело № 2-03. – 2010; дело № 2002 // Архив Алтайского краевого суда за 2012 г.; Кассационные определения Верховного Суда РФ от 03.03.2011 г. № 51-О11-10; от 25.04.2012 г. № 51-О12-15сп; от 09.08.2012 г. № 84-О12-16; от 09.08.2012 г. № 48-О12-59сп; от 09.01.2013 г. № 45-О12-77; от 14.01.2013 г. № 45-О12-82; от 31.01.2013 г. № 41-О13-1; и др.
2. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ / Е.К. Войшвилло. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 239 с.
3. Иванников В.А. Нужно ли психологии понятие деятельности? / В.А. Иванников // Вопросы психологии. – 2011. – № 5. – С. 91–101.
4. Козлов А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 819 с.
5. Козлов А.П. Фундаментальные науки и уголовное право: (Вопросы понятия и соотношения) : учеб. пособие / А.П. Козлов. – Красноярск, 2001. – 178 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Смысл : Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
7. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 2011. – № 1. – С. 3–26.
8. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем [Электронный ресурс] : постановление Президиума Верхов. Суда РФ от 18.11.2004 г. № 23. – Режим доступа: <http://www.vsrfr.ru/second.php>.
9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс] : постановление Президиума Верхов. Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14. – Режим доступа: <http://www.vsrfr.ru/second.php>.
10. Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении : дис. ... д-ра юрид. наук / А.И. Плотников. – М., 2012. – 396 с.
11. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность / В.И. Плохова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 295 с.
12. Соколова Е.Е. Есть ли будущее у теории деятельности? / Е.Е. Соколова // Вопросы психологии. – 2011. – № 4. – С. 129–139.

REFERENCES

1. Altairegional Court Archive. Case No. 2-03-2010; Case No. 2002. 2012 Altairegional Court Archive. Cassational rulings of The Supreme Court of the Russian Federation No. 51-O11-10 dated 3 March 2011; No. 51-O12-15sp dated 25 April 2012; No. 84-O12-16 dated 9 August 2012; No. 48-O12-59sp dated 9 August 2012; No. 45-O12-77 dated 9 January 2013; No. 45-O12-82 dated 14 January 2013; No. 41-O13-1 dated 31 January 2013; and others]. [Arhiv Altajskogo kraevogo suda. – Delo № 2-03. – 2010; delo № 2002 // Arhiv Altajskogo kraevogo suda za 2012 g.; Kassacionnye opredelenija Verhovnogo Suda RF ot 03.03.2011 g. № 51-O11-10; ot 25.04.2012 g. № 51-O12-15sp; ot 09.08.2012 g. № 84-O12-16; ot 09.08.2012 g. № 48-O12-59sp; ot 09.01.2013 g. № 45-O12-77; ot 14.01.2013 g. № 45-O12-82; ot 31.01.2013 g. № 41-O13-1; i dr.]
2. Vojshvillo E.K. Definition as a type of cognition: logical and gnoseological analysis. [Vojshvillo E.K. Ponjatje kak forma myshlenija: logiko-gnoseologicheskij analiz]. Moscow, MGU Publ., 1989, 239 p.

3. Ivannikov V.A. Does psychology need a concept of activity? [Ivannikov V.A. Nuzhno li psilogii ponjatie dejatel'nosti?]. *Voprosy psilogii – The Issues Relevant to Psychology*, 2011, no. 5, pp. 91–101.
4. Kozlov A.P. Definition of crime. [Kozlov A.P. Ponjatie prestuplenija]. Saint-Petersburg, Jurid. centr Press, 2004, 819 p.
5. Kozlov A.P. Fundamental sciences and criminal law: (Issues of definition and relation): educational book. [Kozlov A.P. Fundamental'nye nauki i ugovnoe pravo: (Voprosy ponjatija i sootnoshenija) : ucheb. posobie]. Krasnoyarsk, 2001, 178 p.
6. Leont'ev A.N. Activity, Consciousness, and Personality. [Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost']. Moscow, Smysl Izd. centr «Akademija», 2004, 352 p.
7. Leont'ev D.A. New points in understanding personality in psychology: from necessary to possible. [Leont'ev D.A. Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psilogii: ot neobhodimogo k vozmozhnomu]. *Voprosy psilogii – The Issues Relevant to Psychology*, 2011, no. 1, p. 3–26.
8. Enactment of the Presidium of the Supreme Soviet of the Russian Federation No. 23 On court practice related to cases on illegal enterprise and legalization (laundering) of fraudulent funds and other property dated 18 November 2004. [O sudebnoj praktike po delam o nezakonnem predprinimatel'stve i legalizacii (otmyvanii) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennyh prestupnym putem : postanovlenie Prezidiuma Verhov. Suda RF ot 18.11.2004 g. № 23]. Available at: <http://www.vsrfr.ru/second.php>.
9. Enactment of the Presidium of the Supreme Soviet of the Russian Federation No. 14 On Court practice related to crimes related to narcotic, psychotropic, superpotent and poisonous substances dated 15 June 2006. [O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, svyazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvujushhimi i jadovitymi veshchestvami : postanovlenie Prezidiuma Verhov. Suda RF ot 15.06.2006 g. № 14]. Available at: <http://www.vsrfr.ru/second.php>.
10. Plotnikov A.I. Objective and subjective aspects of crimes. Dissertation. [Plotnikov A.I. Obektivnoe i subektivnoe v prestuplenii : dis. ... d-ra jurid. nauk]. Moscow, 2012, 396 p.
11. Plohova V.I. Non-violent crimes against property: criminological and legal justification. [Plohova V.I. Nenasil'stvennye prestupleniya protiv sobstvennosti: kriminologicheskaja i pravovaja obosnovannost']. Saint-Petersburg, Jurid. centr Press, 2003, 295 p.
12. Sokolova E.E. Does the activity theory have future? [Sokolova E.E. Est' li budushhee u teorii dejatel'nosti?]. *Voprosy psilogii – The Issues Relevant to Psychology*, 2011, no. 4, p. 129–139.

Сведения об авторе

Плохова Валентина Ивановна – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Барнаул; e-mail: vplohova@yandex.ru

About the author

Plohova Valentina Ivanovna – Head of Chair of criminal law and criminology of Altai State University, Doctor of Law, Professor, Barnaul; e-mail: vplohova@yandex.ru